

Фета — орловский дворянин или немецкий амтсассессор Иоганн Фёт, первый муж его матери. По большому счету, это неважно. Важно, что Шеншин усыновил Афанасия (появившегося на свет еще до его брака с Шарлоттой). Важно, что сам Фет, мучительно интересовавшийся этим вопросом и изучавший соответствующие документы, после долгих сомнений и колебаний пришел к выводу, что отцом его был Шеншин и что мать ему упрекать не в чем.

Под фамилией Шеншина он прожил до 14 лет в орловском имении, обучаемый дремучими семинаристами. В январе 1835 года его постигла катастрофа, разом изменившая всю его жизнь. По чьему-то доносу Орловская духовная консистория вынесла вердикт о том, что поскольку мальчик родился до брака его матери с Шеншиным, то «означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно». Родителям пришлось упрашивать дармштадтских родственников, и с их помощью сын получил «честную фамилию» гессен-дармштадтского подданного Афанасия Фёта...

Позже он горестно заметил в одном из писем: «Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет... Со стороны легко смотреть на чужую изуродованную жизнь, но к своей собственной так относиться трудно». Он вовсе не преувеличивал: консисторский указ превращал мальчика из русского дворянина в иностранца-разночинца (под документами он должен был подписываться: «К сему иностранец Афанасий Фет руку приложил»). Он лишался возможности наследовать имения Шеншина — лишался «рода» и «корней»... От греха подальше родители отправили его на учебу в Лифляндию, в маленький городок Верро, в немецкий пансион Крюммера, — и не забирала домой даже на каникулы.

Но — нет худа без добра — Фет смог получить здесь неплохое образование: питомцев пансиона кормили скудно, но учили серьезно, уделяя особенное внимание классической филологии и математике. Во всяком случае, через три года Фет смог поступить на словесное отделение философского факультета Московского университета.

Еще в пансионе он начал писать стихи. Может быть, для того, чтобы не забыть русский язык (преподавание в пансионе велось на немецком языке), а вернее всего: просто явилась Муза:

*Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.*

*Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.*

*Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.*

Этот поэтический дар вполне развернулся уже в университете, где Фет провел шесть лет (1838—1844): учился «без прилежности», но на литературное поприще вступил не без успеха. Уже в 1840 году на триста рублей, пожертвованных некоей поклонницей, он выпустил первую книжку стихов — «Лирический Пантеон». Книжка была по-юношески подражательной и незрелой (сам Фет в мемуарах вспоминает о ней с неизменной иронией), — но все же открывала поэта очень небесталанного. А с 1842 года его стихи начинают регулярно появляться на страницах двух ведущих литературных журналов — «Москвитянин» и «Отечественные записки». Журналы были противоположны по своим литературным и общественным ориентациям, — но Фету до этого не было никакого дела...

В университетские годы Фет, человек одинокий и замкнутый, заводит важные знакомства. Его поддерживают профессора М. П. Погодин и С. П. Шевырев (у последнего он частенько бывает дома и выслушивает добрые советы: Шевырев сам был очень интересным поэтом). К нему присматриваются московские западники — В. Боткин, А. Герцен, Т. Грановский; не минуют и московские славянофилы Аксаковы. Он бывает на литературных вечерах Каролины Павловой и Федора Глинки. Но особенно сближается со студентом-однокурсником Аполлоном Григорьевым (даровитым поэтом, а впоследствии — замечательным критиком). По просьбе Фета, его родители даже помещают его на жительство в дом Григорьевых: в мезонине, рядом с Аполлоном... Вокруг последнего сформировался кружок молодых студентов, будущих видных ученых, писателей, публицистов: С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский, Я. П. Полонский и другие. Часто собирались, усердно занимались философией, эстетикой, поэзией. Фета философия интересовала мало: он остался чужд и гегельянскому идеализму, и мистицизму. Но — поэзия!

*Был чудный майский день в Москве;
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.
Я под окном сидел влюблен,
Душой и юн и болен.
Как пчелы, звуки вдалеке
Жужжали с колоколен...*

В границах немецкой эстетики, так увлекавшей юных друзей Фета, сравнить бой колоколов с жужжанием пчел было совершенно немыслимо. А сам Фет внутренне чувствовал себя способным на подобную лирическую дерзость.

В 1844 году Фет окончил университет — и тогда же пережил первые удары судьбы. Умерла мать — после тяжелой психической болезни, имевшей (чего Фет давно боялся) наследственный характер. Неожиданно скончался дядя (брат отца), Петр Неофитович Шеншин, любивший своего неудачливого племянника и завещавший ему большое наследство. Умер он в Пятигорске, на лечении, а «деньги неизвестно каким образом из его чугулки пропали». Поэт остался без гроша.

Как жить дальше? Продолжать литературные

«Муза»